

контрреволюции заманчив лишь издали, и пока он не воплощен и овеян романтической тайной. Пусть «повоюет» на просторе, и всем станет видно, что знамена её; взяты на прокат от бутафора, личина размалевана под маску благородного негодования, мечи — картонные.

Старики в эмигрантщине, старожилы контрреволюции. имеют право сказать новичкам — и погромче вас были витии — да ничего не сделали.

Миролюбие сильных

Военная история показывает, что лишь те армии были победоносны, которые жили с народом единой слитной жизнью. Однако такое слияние армии и народа, обычно, в чистом виде, можно наблюдать только в разгаре войны и в еще большей степени — революций.

Развитие военной техники потребовало «рассуждающих» солдат. Техника, создав длительные периоды окопной отсидки, потребовала более глубокого прочувствованного понимания задач войны. Все это вместе взятое революционизировало армии всех участников мировой войны и повело к разложению великих армий, более или менее глубокому в отдельных случаях. Первой распалась, разложилась Русская армия.

Это была мощная армия великого народа, вынесшая на своих плечах беспримерную тяжесть многолетней войны, тяготы которой усугублялись бездарностью командования, хищничеством тыла, изменой и предательством людей, в руках которых были судьбы России.

Разложение старой армии спасло Россию. Громадные многомиллионные контингенты людей, доведенных до последних пределов отчаяния, способные в своем отчаянии только «бить в дребезги», абсолютно утратившие способность рассуждать и создавать, представляли для страны и революции грозную опасность. В любую минуту они могли стать, и частью и становились, игрушкой в руках авантюристов, могли стать и становились опасными отрядами своеобразных «вольниц», стоящих на пути каждой попытки организации государственного порядка.

Попытки «спасти армию» были обречены на провал, и лишь задерживали нужное и важное дело. Дело же это заключалось в том, чтобы рассосредоточить старую армию, дать хотя бы краткий отдых всем измученным людям, дать им, очистившись от окопной грязи,

вдохнуть воздух родных полей, пройти полосу плугом и бороной. Ибо нигде так не умерщвляется чувство связи с родиной как в окопах.

Ради достижения этой цели было необходимо пройти через Брест-Литовск¹, надо было заключить мир во что бы то ни стало, надо было с беспримерным мужеством дерзнуть обнажить фронты России. Решиться на этот подвиг могла только революция, непобедимая в своем энтузиазме смелости.

Октябрьская революция в своих дерзновенных порывах решилась на этот подвиг, и он останется в истории, как один из величайших примеров революционного героизма и непобедимости революции, хотя бы и окруженной могущественными армиями врагов.

На место обломков регулярной армии революция выдвинула революционные почти добровольческие Формирования. Части старой армии даже из числа активно преданных революции все же армии, а не перекрашивать остатки старого. В армию пошли сначала, главным образом, рабочие, почти необученные военному делу. Их повели командиры, не проходившие курсов академий генштаба.

И все же эта армия знала победы. Она была частью народа и знала, за что она идет. Она шла под командой своих товарищей, понятных и близких людей. В ее рядах было великое настроение, в снабжении грандиозные прорехи; но были часто босы, патронов мало, пищи ровно столько, чтобы не умереть с голоду. И все же эта армия, созданная страной истощенной и разложенной войной, била врагов, количественно и технически ее превосходящих, на четырнадцати фронтах, в течении свыше трех лет.

Этот поразительный парадокс объяснен историей революций, но беспримерным остается другое: в огне войны полупартизанская армия революции, выросла в организованную регулярную революционно-дисциплинированную Красную Армию. Ее командиры не только в школе боя, но и в школах Красных Командиров и в Военных Академиях получили вполне современную техническо-тактическую подготовку. Сами массы красных солдат за это время не одичали, а культурно возвысились. В армии проделана и делается гигантская по напору и размаху культурно-просветительная работа.

Но Красная Армия не заразилась старыми бактериями духа «военщины» и не могла отразиться, ибо она не имеет в себе кастового начала — это армия всенародная в самом широком смысле слова. Ее «шефы» — фабрики, заводы, мастерские, сельско-хоз. артели, отдельные деревни. Введение всеобщей воинской повинности еще больше содействует спаиванию и сохранению глубокой спайки — Нации и Национальной Красной Армии.

Ее национальное значение, конечно, отнюдь не умаляет того, что «на концах своих штыков» Красная Армия в потенции несет мировую революцию. В России, стране, которая не сознавала своего национального единства, идея мирового единства народов зреет, проходя через растущее чувство беззаветной преданности к революционному отечеству.

Ныне в пятую годовщину создания Красной Армии бросая взгляд на мир, снова готовый ощериться миллионами штыков, можно с уверенностью сказать: побеждают не автоматы. Побеждает молодая сила организованной вата. Такая сила сейчас есть только у России. Красная Армия ость молодая организованная воля революции к победе. Охраняемая ею Россия находится в полной безопасности.

Больше того, в силе Красной Армии революционная Россия черпает свое беспримерное миролюбие — миролюбие сильных.

Поместный патриотизм

П. Н. Милюков на своем пражском выступлении¹, охарактеризованным друзьями из «Руля», как «пустословие», дал интересное объяснение тому факту, что французское правительство охотно допускает группирование в Париже и во Франции русских черносотенцев и монархистов.

По словам П. Милюкова, — а П. Милюков лицо весьма осведомленное и еще недавно допускавшееся в «сферы», — французская полиция и разведывательные органы «предпочитают иметь Маркова II и его политических друзей близко у себя под наблюдением, чем предоставить им плести свои интриги в Германии и Венгрии».

Откровение это имеет не малое значение для оценки положения в различных государствах как отдельных политических деятелей, так и партийных организационных групп.

Переводя слова П. Милюкова на обычный язык, мы получим следующую формулу, имеющую более универсальный характер:

— Правительство данной страны допускает у себя накопление вообще нежелательных элементов, потому, что они, находясь в других странах, вне давления данного полицейского аппарата, могут ему вредить своими интригами и заговорами.

Приложим эту формулу к положению П. Милюкова. П. Милюков и его группа полностью подходят под понятие «нежелательных»